

The book cover features a watercolor-style illustration of a woman in a red dress and a red hat with a white crescent moon, standing on a path that leads towards a large, glowing globe of the Earth in a starry night sky. The scene is set against a dark blue background with various stars and a shooting star. The woman is seen from behind, looking towards the globe. The path she is on is illuminated, suggesting a journey or a path of discovery.

АЙГОЗЕЛЬ МЕРЕДКУЛИЕВА

ПО
ЛУННОЙ
ТРОПЕ

Автобиографическая повесть

Айгозель Мередкулиева

По лунной тропе

«BookBox»

2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Мередкулиева А.

По лунной тропе / А. Мередкулиева — «BookBox», 2025

ISBN 978-5-907925-99-1

В этой книге много жаркого, сочного, ароматного, парадоксального... Эта история о том, как простая туркменская девчонка из Ашхабада стала переводчицей при Евросоюзе и поселилась в Бельгии, обзаведясь дачей на Кипре. Это очень честный рассказ о слиянии и противостоянии культур, восточных предрассудках и забавных способах их преодоления. Тут каждый арбуз звучит как симфония, а яичный желток ныряет в муку, как солнце в пески Каракумов. Вас ждет любовь, озаренная лунной тайной, сжимающие душу изломы женской судьбы, путешествие в Нигерию и Нидерланды, любопытные заметки о языке и культуре туркмен, а также вкусные рецепты национальной кухни, по которым можно приготовить настоящее туркменское блюдо так, что пальчики оближешь!

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907925-99-1

© Мередкулиева А., 2025

© BookBox, 2025

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Рассказ о дедушках	8
Рассказ о бабушках	10
Мои родители	18
Наш дом	20
Лунный луч	26
Старшая сестра	27
Глава 2	35
Русская школа для туркменской девочки	35
Нарушая запреты	38
Как я оказалась в другом вузе	39
Как я хотела стать знаменитой актрисой	41
Глава 3	45
Жених из другого племени	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Айгозель Мередкулиева
По лунной тропе.
Автобиографическая повесть

*Посвящаю эту книгу памяти моего любимого мужа Джерарда.
Он был всегда рядом и первым услышал эти истории.
Его поддержка и вера в меня сопровождали меня на всем пути к
этой книге.*

Художник-иллюстратор Дженнет Юсупова

BookBox

© Айгозель Мередкулиева, текст, 2025

© Издательский дом «BookBox», оформление, 2025

Предисловие

Эта книга – мои воспоминания, мемуары туркменки, выросшей в традиционной многодетной семье. На ее страницах я рассказываю о том, как мне удалось изменить свою жизнь, не полностью отказавшись от наших обычаев, но найдя в них важный для меня смысл и ресурс.

Признаюсь, мне было трудно писать о запретах со стороны моих родителей, которым время от времени приходилось серьезно обдумать то, что они изначально считали правильным, и пойти мне навстречу. Ведь я выбрала путь, который серьезно отличался от пути женщины из традиционной семьи. А потому и вопросы, которые приходилось решать моим маме и папе, часто были для них сложны и непривычны. Порой они даже не понимали, о чем я говорю. В таких случаях родители качали головами, ссылаясь на роль дочерей в мусульманском обществе, и, чтобы оправдать очередной запрет, приводили бесконечные примеры из жизни наших родственников и знакомых. Примеры, которые не имели ничего общего с моим выбором и моей судьбой.

И, надо сказать, я всегда чувствовала несправедливость наших обычаев. Ведь то, что в наших семьях запрещалось женщинам, разрешалось мужчинам. Вернее, у мужчин всегда и всюду была полная свобода.

Выбор жениха, поступление в университет – мои родители постоянно пытались решить все это за меня. А как они запаниковали, когда я собралась пойти в аспирантуру!

Они снова и снова напоминали мне о роли старшей дочери – той, что всегда присматривает за младшими и помогает по хозяйству. Какой университет, какая аспирантура?! И все-таки каждый раз, упрекнув меня, помолчав, огорчившись, они... соглашались со мной. Честно говоря, потом я и сестер научила отстаивать свои взгляды на семейном совете.

И теперь, когда прошло столько лет, я могу с уверенностью сказать: мне повезло с родителями, ведь они были со мной не так строги, как родители в большинстве других туркменских семей.

Благодаря их поддержке я всегда знала, что на правильном пути. И вот – очередной этап пройден. Написана книга. Правда, теперь мне некого спросить, стоит ли ее публиковать или лучше положить в папину заветную тумбочку – туда, где хранились его дневники и письма, – пусть себе лежит, дожидается внуков и правнуков! Теперь уже я – и только я – решаю, что мне делать с моей жизнью, с моим творчеством и моим наследием. Но так же, как когда-то, я волнуюсь и трепещу. Потому что теперь моими критиками будут не родители, а читатели.

В этой книге вы обнаружите забавные зарисовки из моего туркменского детства, трагичные эпизоды из моей взрослой жизни, любопытные заметки о языке и культуре туркмен, а также вкусные рецепты национальной кухни, по которым можно приготовить туркменское блюдо.

А еще я искренне расскажу вам о том, как простая девчонка из Ашхабада стала переводчицей при Евросоюзе и поселилась в Бельгии, обзаведясь дачей на Кипре.

Я буду с вами открытой и честной. Такой, какая я и есть на самом деле.

Итак, я начинаю свой рассказ.

Пролог

– Тебе должно быть стыдно! Ведь тебе уже пятьдесят! – сказала мама, и я вздрогнула. Признаться, я ждала этого. Мне должно быть стыдно. Ведь я уже зрелая женщина, и у меня даже есть внучка. Стыдно. Стыдно выходить замуж. Тем более за иностранца.

По правде сказать, я давно думала, как к этому отнесутся мои родители. И заранее готовилась к этому разговору. Наконец я решилась. Приехала к ним, мы сели, как обычно, в гостиной. Мама налила всем чай. И я сообщила им, что собираюсь замуж за иностранца. Родители явно очень растерялись. Сразу замолчали и принялись оглядываться на дверь, будто там притаился мой жених. Пауза была долгой, но я чувствовала какое-то особенное беспокойство. И вдруг мама встала и почему-то направилась на кухню. Вскоре мы услышали, как она загремела посудой. Похоже, она собиралась готовить обед.

Папа сидел молча, без движения, не меняясь в лице. Наконец мама вернулась к нам. И тут же стала причитать про работу, семью, детей. Мне должно быть стыдно. Стыдно выходить замуж. Ведь мне пятьдесят, и у меня уже внучка. А выйти замуж за иностранца – вообще позор.

Я слушала маму и старалась держать себя в руках. Хотя все, что я чувствовала тогда, – это ужасная, разъедающая жалость к себе. Целых двадцать два года я была одна, училась, работала, растила сына.

Мой муж погиб по до сих пор непонятной причине, а я в одиночку старалась найти виновных в его смерти. Бегала по чиновникам, пыталась что-то разузнать. А они только злились на меня за то, что к ним прорвалась какая-то тетка и требует ответов на свои вопросы, а с ней нет даже ни одного мужика! Хоть бы брата привела или отца! Но мне было все равно. Я хотела правды. И не получала ее.

А ведь я отлично помнила тех, кто был в тот вечер в одной машине с моим мужем, и все же я не смогла ничего доказать. Ничего.

Я думала обо всем этом, пока моя мама продолжала ворчать, дескать, мне уже пора успокоиться, а не подыскивать себе женихов, да еще и в других странах!

Часть первая

Запах маминого хлеба

Глава 1

Корни и ветви

Уже очень давно я хотела написать что-то интересное и особенное, что было и есть в моей семье. Хотелось все это отобразить на бумаге, для моих внуков и правнуков. Порой даже представляла себе целые эпизоды из своей жизни, точно как в кино...

Но как писать? С чего начать? Как правильно построить самое первое предложение, чтобы оно сразу же заинтересовало моих будущих читателей? Как правдиво отобразить все прекрасное? Хотя я не могу упустить ни одного трагичного момента моей жизни.

Родилась я в традиционной мусульманской семье. И рассказ свой хочу начать со знакомства с моими предками.

Рассказ о дедушках

В одном из маленьких районных поселений жил старик, которого звали Ашир, но друзья и соседи называли его *Ашир-Кор* — «слепой старик». Он не был слепым, у него косил один глаз, но все же ему дали такое прозвище. Но дед не обижался, он уже привык.

Имя Ашир означало «энергичный человек, который мог выйти победителем из трудной ситуации и обладал сильной волей и упорством».

Это имя очень подходило этому старцу, его даже выбрали башлыком (то есть старейшиной) на селе. Каждый мог к нему обратиться с любым вопросом, прийти за советом или помощью.

Изо дня в день к нему приходили жители села. Они садились в тени старой юрты – *гара-ой* (с туркменского – «черный дом») – и обсуждали свои проблемы.

Туркмены вели кочевой и полукочевой образ жизни, поэтому юрты можно было легко поставить, а потом собрать перед следующим переселением. Гара-ой были традиционным жилищем. А в оазисах строили постоянный, глинобитный дом из кирпича с плоской крышей и несколькими окнами.

Среди прикаспийских туркмен были распространены деревянные дома, и крытая веранда служила местом отдыха и сна в летнее время.

Сейчас юрту ставят в качестве летнего жилища, на отгонных и сезонных пастбищах они служат пристанищем для чабанов. Такая юрта была семейной реликвией и символом продолжения рода и передавалась из поколения в поколение, в центре всегда находился очаг, который считался священным местом.

Когда старшие дети отделялись от родителей, в юрте оставался самый младший сын. Хозяйство у него было общее с отцом, и он был наследником всего богатства.

Когда-то этот дед был женат, и у них с женой было трое детей. Жена Аннасолтан – очень скромная женщина, была ему идеальной спутницей. Но ей не суждено было прожить долгую жизнь и встретить старость. Она умерла еще молодой, оставив мужа с детьми.

Старшей дочери было всего 17 лет, и ей пришлось взвалить обязанности матери на себя. По старинному обычаю всем хозяйством заправляли женщины.

Недалеко от них, в соседнем селе, жил другой старик по имени Аннагулы Потра. Его имя означало «безмятежный, азартный». Он на самом деле был жесткий и строгий глава семьи, но мог легко попасть под чужое влияние. Его называли *Яшу ли* Потра.

Яшули – с туркменского, состоит из двух слов – «яш» (жизнь, возраст) и «улы» (большой, взрослый) – человек почтенного возраста, умудренный старостью, старейшина. Используется как уважительное обращение к пожилым людям в странах Средней Азии.

Вот этот Яшули был таким мужчиной, что соответствовало его имени. Он оберегал свою семью любыми способами, мог и по-хорошему поговорить, а мог и силой добиться своего. Любил охоту и никогда не возвращался без добычи. На речку он не тратил времени, рыб там почти не найдешь, местные мальчишки всю рыбу выловили, поэтому ему было неловко соревноваться с детворой.

Он промышлял по-крупному: то кролика, то птицу, а то и козочку приносил неизвестно откуда. В доме у него жена и шестеро детей, и он должен их прокормить. Двух старших дочерей уже выдали замуж, а вот для старшего сына не могли подобрать девушку. Им нужна была красавица-невестка, чтобы была трудолюбивой. Но в первую очередь она должна понравиться не мужу, а свекрови, та собиралась оценивать будущую родственницу как хозяйку дома. Во вторую же очередь невестка должна стать послушной женой.

Так и жили эти яшули каждый на своем месте. Но судьбе было угодно сделать так, чтобы они встретились.

Яшули Потра по какому-то вопросу понадобился совет, он не знал, к кому обратиться, пока кто-то не рассказал ему о башлыке из соседнего села, что тот умен и сможет помочь.

Потра решил отправиться к нему, сел на свою старую темно-бурую лошадь и поскакал. Дорога была не из легких, хотя не дальняя, но деда это не пугало, за свою жизнь ему не раз приходилось ездить из одного села в другое.

Наконец он подъехал к дому и стал привязывать лошадь к тутовому дереву, с которого падали черные фрукты прямо на землю и разбивались. Жаль, что детишек соседских не видно рядом. От дерева шел сладкий аромат шелковицы. Дед сорвал парочку и положил себе в рот, а сам разглядывал жилище и двор башлыка.

– Дом у них больше, чем наш, да и юрта поуютнее, – пробормотал он и призадумался.

Затем подошел к юрте, надеясь увидеть хозяина, но его там не оказалось. Из большого дома вышла молодая девушка, сказала, что отца нет, но скоро будет, пригласила гостя пройти в юрту, она принесет ему чай. У деда вдруг замерло сердце, он быстро заморгал, когда увидел ее красоту. Она была высокая, статная, с мраморно-белым лицом, у нее были длинные черные косы, которые еще ярче подчеркивали его белизну. Глаза такие же черные, как ее волосы. На ней было цветное платье из шелка, которое грациозно облегалo ее фигуру.

На доли секунды он замер, но быстро очнулся и согласился присесть, подождать хозяина.

И тут на пороге показался старик, мужчины поздоровались, а потом сели и за пиалой чая обсудили все вопросы. Гость стал прощаться и направился к своей лошади. Но дочь хозяина он больше не увидел.

Весь свой путь обратно он глубоко вздыхал и уже строил какие-то планы. «Надо будет старуху обрадовать, – подумал он, – рассказать ей обо всем».

Подъехав к дому, сразу позвал жену и быстро заговорил:

– Слушай, жена, я знаю, к кому мы пойдем свататься.

– Куда свататься? О чем ты говоришь? Тебе, наверное, солнце напекло голову. Поехал в эту жару к какому-то башлыку, – принялась ворчать жена.

– Да ты послушай сначала, – взволнованно продолжил старик.

– Потом, потом, я только прилегла, голова разболелась от этой жары, – промямлила его жена и пошла к себе в кибитку.

Но не прошло и месяца, как Яшули Потра со своей свитой направился в соседнее село. Он действительно решил сосватать своего сына к дочери того башлыка.

Старики поговорили, поспорили насчет калыма, обсудили, кто возьмет на себя затраты на свадьбу, и, в конце концов, договорились.

Рассказ о бабушках

Жили были две будущие бабушки. Одной из них всего 17 лет, другой же 46. Очень интересно, необычно и неожиданно пересеклись пути этих женщин.

Первую из них звали *Акнабат*, она была невысокого роста, с хорошо сложенной фигурой. Ее черные длинные волосы заплетены в косы. Вся красота была в ее скромности. Заботливая и внимательная к своим родителям, молча выполняющая свои дочерние обязанности. И в какой-то мере значение ее имени очень красочно отражалось в ее характере: добрый и прозрачный, как кристалл, но в то же время теплый, не резкий, терпеливый, стыдливый. Вот эти черты ее характера заключались в ее скромности, которая подчеркивала ее красоту, так в старину и говорили.

Акнабат – в переводе с туркменского «белый сахар», произошло от слов «ак» (белый) и «набат» или «нават» (среднеазиатская и иранская сладость) – традиционная разновидность леденцового сахара в виде крупных кристаллов, который готовят из сахарного сиропа и виноградного сока.

Как только ей исполнилось 17 лет, родители стали думать о том, чтобы выдать ее замуж.

У нее самой не было желанного жениха, как это было в старину, и ничего удивительного в этом не было. У отца с матерью тоже не было никого на примете. Но в один прекрасный день, откуда ни возьмись, как будто ветром занесло, отец услышал от соседа, что в дальнем селе их района живет вдовец и ищет хозяйку дома. Недавно у него умерла жена, и остались трое детей, им нужен присмотр и забота.

И нежданно-негаданно ее выдают замуж за этого мужчину, который на 27 лет старше нее, он почти в возрасте ее отца. Ее никто не спрашивает, желает ли она выходить замуж. А если бы она спросила, ей бы ответили: «Так надо!» Для ее родителей вопрос о возрасте не имел большого значения, главное, чтобы дочь вовремя вышла замуж и была счастлива. Для родителей это означает, что у дочери будет дом, своя семья и дети. Муж будет заботиться о

ней, она станет хозяйкой в своем доме, что придаст ей большей уверенности в себе, и это будет радовать ее родителей.

Обращаться к мужу на «вы» и называть его «мой господин», став ему послушной женой, оказалось не так трудно. Но помимо этого, она должна стать матерью троих детей, которые почти одного с ней возраста. «Как же они будут называть меня?» – постоянно крутилось у нее в голове. Она не могла представить себя их мамой, ведь не она их родила. И в таком случае как она сама будет обращаться к ним? Старшей дочери было столько же лет, сколько ей самой. «Как ей поступить, как вести себя, если вдруг старшая дочь подойдет и назовет ее мамой?» – все вдалеке уходило ее мысли.

Но ей не пришлось долго размышлять. Через несколько дней после свадьбы неожиданно подошла к ней красавица старшая дочь, обняла и попросила разрешение называть ее по имени. У Акнабат отлегло от сердца, ей было так приятно и стало так легко. Она подумала, что взрослая дочь может стать ей хорошей подругой. И они действительно подружились. Хотя им не пришлось жить долго под одной крышей. Буквально через год белолицая падчерица сама вышла замуж.

– Скоро я выхожу замуж, отец сосватал меня, – робко сказала падчерица.

– За кого тебя-то отдадут? Ты его видела? – заинтересовалась Акнабат.

– Нет, я его не видела, но видела его отца, он приезжал к нам недавно.

– Тогда он и есть твой будущий свекор?

– Похоже, что так, – вдруг очень тихо ответила девушка, а сама наклонила голову, потом вдруг почти отвернулась, как будто задумалась, но было заметно, что она прослезилась. Из-за этого Акнабат сама расплакалась.

В назначенный день сыграли скромную свадьбу, приехали новые родственники и увезли красавицу-дочь. Акнабат осталась одна хозяйкой дома.

По всем мусульманским законам семья отца должна заплатить калым – дань. Мама рассказывала нам позже, что калым был очень скудный. Не такой уж большой! По ее словам, принесли всего лишь четыре тысячи советских рублей, восемь «дохлых» барашков, так она называла тощих, шесть аладжа-монджук (бусы из разноцветных камушков) и пять отрезков «вшивенького» *кетени*. Мама была мастером выбирать точные слова, иногда с долей сарказма.

Многие столетия туркмены делают великолепный домотканый шелк – кетени. Ткут его на станках, которые называются «тара» или «тяре». Преобладание красного цвета в одежде туркмен является древней традицией, ему приписывались магические свойства способствовать жизненным силам природы и человека.

Именно из него и по сей день шьют наряды, в которые одеваются туркменские невесты. Платье бордово-красного цвета считается самым популярным среди туркменских женщин. «Гырмызы кетени койнек» – платье из красного шелка. Ширина этой ткани всего лишь тридцать сантиметров и для длинного платья нужно двенадцать метров.

Женский костюм состоит из штанов «балак», платья «кёйнек» с круглым вырезом, высокого головного убора «толпы» и халата-накидки «кюрте» или «пуренжек». Его надевают на голову невесты до прихода свадебного каравана. Кюрте всегда вышиты вручную, его орнаменты отличаются в зависимости от племени. Перед халата расшит серебряными украшениями в виде больших

круглых монет, при ходьбе они издают приятный звук, который отгоняет злых духов и бережет невесту от сглаза.

Туркменские женщины любят много ювелирных украшений.

Итак, белолицая падчерица женщины по имени Акнабат пришла в свой новый дом, в свою новую семью. Звали эту падчерицу *Гурбангозел*.

Гурбангозел – имя состоит из двух частей: формы арабского мужского имени Гурбан (что означает «жертва, самопожертвенный») и женского имени Гозел (с туркменского – «красивая, красота, красавица»).

Мужа звали *Ходжалы*.

Ходжалы – в переводе «с покровителем», состоит из двух частей: первая часть от персидского слова «ходжа» (с туркменского – «покровитель, господин», может быть почетным титулом духовного лица; «ходжа» также употребляется как вежливое обращение к хозяину дома) и вторая часть – окончание «лы», означающее «с» или «из».

С первого же дня совместной жизни она смогла стать хорошей женой, и они были счастливы с мужем всю жизнь. У них почти не было больших разногласий и ссор, несмотря на то, что они не знали друг друга до свадьбы. Но быть идеальной женой – это одно. А идеальной невесткой – совсем другое, главой семьи считалась свекровь, а не муж. Между тем свекровь Гурбангозел действительно была очень властной и требовательной, а порой даже капризной. Никто в семье не мог ей возражать. Но молодая невестка и не думала об этом.

Мама в наряде невестки

Вот прошли долгие дни, и Гурбангозел в сопровождении родных мужа приехала навестить родительский дом.

После завершения свадьбы, чуть больше чем через месяц, уже замужняя дочь может пойти в дом родителей, навестить их. Там организуют отдельный праздник, на нем происходит еще один ритуал.

Молодую невесту одевают в специальный халат красного цвета в узенькую вертикальную полоску. На голову ей повязывают платок оливкового цвета, и в дом мужа она уже возвращается в этом наряде.

Отец невесты готовит угощение. В старину срок пребывания в отчем доме зависел от состоятельности жениха. Эта традиция могла быть нарушена в случае беременности молодой женщины.

Если жених не мог уплатить калым, новые родственники могли взять его в свое хозяйство в качестве батрака – гуйч гиев (с туркменского «зять-работник»). После того как выплачивал калым, он мог забирать свою жену. Зятю дарили красный шелковый халат – гырмызы дон.

С этого дня родные навещали друг друга без особых церемоний.

И вот здесь Акнабат встречается со свекровью своей падчерицы. Она была намного старше, на вид интересная, уверенная в себе женщина, которая знает свои обязанности в семье, это было заметно с первого взгляда. Вот она-то сможет стать настоящей бабушкой. Ее звали *Огулшекер*.

Огулшекер – в переводе «сладкий мальчик». Именами со словом «огул» в основном называют третьего ребенка, даже если родилась девочка. Это означает, что родители мечтают о рождении сына – наследника семьи.

А затем еще через месяц невестка возвращалась в дом мужа, и ее свекровь вся сверкала от счастья. Она приглашала всех гостей в дом.

– Проходите в комнату, дорогие гости, присаживайтесь, сейчас подадут кушать, – любезно пригласила свекровь гостей. А сама, немного нахмурив брови, похлопала свою невестку, падчерицу Акнабат, по плечам и тут же проводила ее в другую комнату.

С тех пор эти две будущие бабушки жили каждая своей жизнью, и их пути также изредка пересекались. Слишком большая разница и в возрасте, и в характерах. Хотя ровно через три года с момента свадьбы белолицей падчерицы Акнабат и сына Огулшекер, Ходжалы, они обе стали настоящими бабушками.

Младшая из бабушек была очень робка и оставалась такой же мягкой и покорной до седой старости. Она была ласкова и со своими, и со взрослыми приемными детьми. Муж был с ней счастлив и спокоен.

Та же, что была старше, стала словно бы каменной стеной для семьи. В ее характере ярко отразились мужские черты, возможно, от присутствия в ее имени слова «огул», она была полна силы воли, смелости в своих поступках.

Как и во всех туркменских мусульманских семьях ее выдали замуж очень рано, ей было всего неполных семнадцать лет.

Она вела хозяйство и воспитывала детей. Была любима мужем и детьми, ее почитали и уважали не только родные и близкие, но и все, кто знал. Все шестеро ее детей ухаживали и смотрели за ней до глубокой старости. Она была отличной рукодельницей и учила дочерей всем женским премудростям, которые потихоньку превращались в их обязанности. Они умели печь и готовить, шить и вышивать, вязать и даже ткать ковры. А бесчисленными простыми обязанностями было и коров подоить, и траву покосить для домашнего скота. Сама она была классной рукодельницей. Чего только она не умела! Бабушка и меня учила ткать ковры, но при этом мне доверяли только простые строчки из одноцветной нити, где не было замысловатых узоров.

Туркменские ковры ручной работы исторически занимали важное место в быту. Они использовались при «общении с Богом», коврики для молитвы – намазлык – подчеркивали торжественность семейного праздника, асмалык – заменяли гардеробы, шкафы, хорджун, торба – утепляли и украшали жилище. Слово «гапылык» – от слова «гапы» – дверь.

Ковры отличаются практичностью и красотой. В них закладываются признаки племенных различий. Пять ковровых гёлей (гель – основной орнамент в виде повторяющихся узоров) являются символом пяти основных племен: теке, йомуд, салыр, човдур и эрсары. Доминируют красные, бордовые тона.

Еще в X–XIII веках во времена сельджуков, ковры прославились на рынках Европы и Востока как одни из самых лучших. Известный венецианский купец и путешественник Марко Поло называл туркменские ковры «самыми тонкими и красивыми на свете». Еще с древних времен их называют «бухарскими», из-за того, что они были обширно представлены на легендарных базарах Бухары.

У меня и в голове не укладывалось, что одна женщина имеет столько талантов. Это все передавалось из поколения в поколение. Под ее присмотром вся работа по дому была налажена. Родительское слово «надо» означало «надо!». Разговоров не было. Может быть, и были сморщенные лица, но взрослые не обращали на это внимания. Так было принято: сыновьям учиться у отца, дочерям – у матери. Чего только им не приходилось делать, нашим туркменским женщинам!

Бабушка готовит пряжу для нового ковра

Я не могла себе представить, как можно вручную делать кошмы, и только во время школьных каникул у бабушки в селе сидела возле них и пристально наблюдала за женщинами, и подавала им чай. У нас дома были и *кошмы*, и ковры. Искусство их создания – это особый дар.

Кошмоваление, кошмоткачество – сочетает в себе древние традиции, умение и фантазию мастериц. Кошму называют младшей сестрой ковра, изготавливают из овечьей или верблюжьей шерсти. Узоры на них не такие четкие, как на коврах. Кошма (по-туркменски «кече») была более доступна простому народу. Ими обтягивали кочевое жилище, устилали пол, а специальной кошмой (серпик) закрывали дымоходное отверстие.

Специальные белые кошмы используют как молитвенные коврики, на которых возносят молитвы Аллаху.

Мой дед ушел из жизни рано, и тогда бабушка стала во главе семьи. Я называла ее «Капитаншей семейного корабля». В нашей семье все смеялись над моим сравнением, но так оно и прижилось. Самым младшим я любила приводить красочные примеры о капитанах и о кораблях, чтобы они понимали все это. Хотя кивать-то они кивали, поддакивали, но особо не понимали. А я довольная сидела с ними рядом и наслаждалась своей ролью старшего лектора.

Мои родители с любовью и большим уважением заботились о бабушке. В традиционных мусульманских семьях родители живут у одного из сыновей, как это было принято испокон веков. Сейчас тоже во многих семьях родители также живут у сыновей. Дочери после замужества уходят в дом к мужу.

При жизни бабушки нам, внукам, было категорически запрещено говорить на русском языке. Как только мы возвращались домой из школы, сразу перестраивались на туркменский уклад. Зашли домой – переходим на туркменский, хотя учились мы в русской школе. Если мы шептались на русском и не хотели, чтобы бабушка нас слышала, она чуяла все на расстоянии и, не поднимая головы, могла сделать замечание, сама же не понимала ни слова. Ей не нравилось, когда мы в старших классах захотели сделать модные прически. Ее однозначное слово «нельзя» мы выучили наизусть. Она твердила нам, что богатство туркменской девушки – это ее косы! Мы не возражали, привыкли к ее словам.

Самое интересное, что родители даже не вмешивались во все эти дискуссии, да у них и времени не было на это.

Но несмотря на все строгие правила, мы все любили слушать, как она рассказывала нам сказки. Я уверена, что отец унаследовал от нее умение рассказывать сказки, разные истории, были и небылицы. У матери и сына была великолепная память. А моя мама стала хорошей невесткой и ухаживала за бабушкой до последней минуты ее жизни.

Своего деда я почти не помню, он умер, когда мне было всего два с лишним года. По словам отца, дед был очень смелым и мужественным, он был отличным скакуном. Даже в голодные времена он мог находить то, чем можно было прокормить детей. После 1945 года стояла страшная засуха и голодовка, и каждому мужчине надо было думать о пропитании своей семьи.

Дед добывал еду для семьи любимыми путями. В одну прекрасную лунную ночь он и мой пятнадцатилетний папа в три часа пополуночи пошли на поиски зерна, при этом с пистолетом в руках (опять же по словам отца), бутылкой водки и лепешкой хлеба, набрали девять мешков зерна и ушли...

Откуда набрали, отец не помнит или не понял, где деду повезло достать провизию для семьи.

Мои родители

Гурбангозель стала великолепной хозяйкой и рукодельницей. Обшивала всех женщин в новой семье, у нее все спорилось в руках. Она прекрасно готовила и пекла вкуснейшие чуреки в глиняном *тандыре*.

Для туркмен тандыр (или тамдыр) является священным. Одна из старых традиций – раздача свежеспеченного хлеба. Поговорка: «Первый хлеб, вышедший из тандыра, будет благословением для дома». Его не делят, а делят следующий хлеб с детьми и соседями. Когда гость приходит во время выпекания хлеба, ему предлагают его, а он должен ломать хлеб двумя руками.

Есть немало блюд, которые готовят в тандыре, они называются «тандырлама» – испеченный в тандыре. По старинным преданиям для исцеления больного ребенка нужно провести его вокруг печи три раза, и недуг уйдет.

Позже оказалось, что вначале золовки недолюбливали ее. Зато им очень нравилось носить ее платья, халаты и украшения. Но благодаря добродушному и гибкому характеру Гурбангозел эта неприязнь со временем прошла.

Вкус маминого хлеба

И в конце концов эта семья стала очень дружной. Оба, Гурбангозел и ее муж Ходжалы, выросли в многодетных семьях и были старшими детьми. Муж был спокойным и молчаливым и отлично понимал, как ему повезло, что родители нашли ему такую невесту.

До свадьбы они оба учились в сельских школах и были одними из лучших. После окончания школы Ходжалы там же учительствовал, а спустя много лет окончил институт по подготовке учителей начальных классов. А вот его жене не повезло: никому в семье даже в голову не приходило, что женщина пойдет учиться.

Со дня свадьбы прошло несколько месяцев, и свекровь начала нервничать. Ее невестка до сих пор не беременна. В доме стало беспокойно из-за подозрительного поведения свекрови. Но труднее всего приходилось невестке, когда она слышала бесконечные вздохи свекрови возле себя. Хотя муж Гурбангозел оставался спокоен.

Время от времени свекровь подходила к невестке, чтобы спросить, не беременна ли та. Но когда в очередной раз видела, как невестка отрицательно качала головой, она начинала чувствовать недовольство. При этом она не сердилась на своего сына, а вымещала раздражение на невестке.

Но прошел год. Прошел второй.

И только на третий год со дня свадьбы Гурбангозел и Ходжалы у них родилась дочь, их долгожданный ребенок. Малышка своим рождением принесла радость и огромное счастье в их дом.

С этого момента Акнабат и Огулшекер стали настоящими бабушками.

Наш дом

Строительство нового дома было в самом разгаре. Заложены фундамент, начали укладывать кирпичи. Родители работали каждый на своем посту, и, помимо этого, им приходилось принимать, угощать и развлекать наших бесконечных гостей, всю родню. Тем, кто жил далеко, хотелось побывать в городе, погостить. Навестить и погостить не означает одно и то же. Это не визит на пару часов, на чашку чая, это даже не на день. Нашим гостям нравилось останавливаться на несколько дней.

И вот наш новый дом № 26 по улице Железноводской, за голубой калиткой, был готов. Во дворе нового дома, где-то сбоку поближе к кухне, стояла круглая чугунная подставка для большого *казана*, в котором готовили всякую вкуснятину по праздникам или когда были гости. А у нас всегда были гости.

Казаны с древних времен почитаются туркменами, они предназначены для приготовления пищи. Ими пользуются во время проведения праздников и ритуальных обрядов. В центре каждой юрты устанавливают казан, в нем варят пищу для большого семейства. Слово «казан» может обозначать «семья», «родной очаг» или «дом». Это символ достатка, гостеприимства, общности и единства народа.

Стены дома были кирпичные, а полы и потолок – деревянные. В доме были четыре большие комнаты, огромная веранда, совмещенная с небольшой кухней. Там время от времени любила печь блины. Мне хотелось испечь целую гору блинов и только потом угощать всех. Но мне никак это не удавалось из-за младших братишек, они один за другим подбегали, хватали по одному или по два и бегом из кухни.

Огромная, круглая печка, встроенная посередине, обогревала все комнаты. Самая большая комната была предназначена для гостей. На большой железной кровати красовались новенькие толстенные матрасы – дюшекче (от слова «дюшемек» – стелить), набитые хлопком. А на них стеганые одеяла, сшитые из цветных шелковых или хлопковых тканей, поверх которых лежали самые пышные, новенькие подушки. Все эти постельные принадлежности были творчеством женщин во главе с мамой. Вторая комната – чуть поменьше, в ней жили родители. Третья для четверых мальчишек, а четвертая для нас – трех сестер.

В большом дворе сразу поставили глиняный тандыр (печь) для выпечки хлеба. Весь огород был засажен овощами и всякой зеленью. Там росли петрушка, укропчик, кинза и мята, помидоры и баклажаны.

Над всем этим вкусным огородом красовалась высокая виноградная беседка, там росли два сорта винограда. Ранней весной поспевал золотисто-зеленый виноград овальной формы, без косточек. Его можно было есть как семечки, без остановки. Позже, уже в разгар лета, наливался соком черный круглый виноград с косточками и плотной мякотью почти баклажанного цвета.

Из этого сорта наверняка можно готовить вкусное красное вино, жаль, что папа не знал этого. Я даже не помню, чтобы у нас дома когда-либо пили вино. Из этого винограда мы варили густое варенье.

Рецепт виноградного варенья

Виноград кладут в большой казан или латунный таз и засыпают сахарным песком. Если виноград сладкий, сахара понадобится из расчета 0,5 кг сахара на 1 кг ягод. А если виноград кислый, то расчет легкий – 1 кг ягод на 1 кг сахара.

После этого дают время, чтобы сахар растворился и появился сок, и только затем казанчик ставят на средний огонь и постоянно перемешивают, чтобы не прилипло ко дну. Доводят до кипения и сразу выключают, чтобы виноград не стал развариваться и не превратился в джем, и так по несколько раз.

Причем во время этого процесса требовался человек, который будет стоять и вылавливать косточки из казана специальной ложечкой с мелкими дырочками. Эту серьезную работу частенько приходилось выполнять кому-то из младших, моя мама особо доверяла своему младшему сыну, который вечно ворчал, морщил брови и не переставал задавать маме вопросы:

– Зачем столько варенья варить? Нам уже хватит вот этого казанчика.

– Ну что ты, сынок. А как же гости? Их тоже надо угощать, это же виноград из нашего сада.

– А что, у них нет винограда? – не успокаивался братишка.

– Давай поменьше разговаривай и хорошенько собирай, чтобы ни одной косточки не осталось, – наказывала мама, а сама уже суетилась с чем-то другим.

Готовое варенье из винограда мой папа смешивал с топленным маслом или белым жиром, макал в него хлеб и запивал зеленым чаем. Такое блюдо ел только он один.

Самое вкусное варенье и компот получались из урюка. Прямо за окном вдоль улицы росло большое дерево с маленькими ягодами золотисто-красноватого оттенка. Это дерево очень рано и красиво расцветает, и фрукты наливаются сладким ароматом. От него невозможно было прогнать соседских мальчишек. Как же они любили сидеть на этом сладко пахнувшем дереве, срывать вкусненькие, почти хрустящие урючины и уплетать их! А еще они постоянно пополняли свои запасы урюка: разламывали каждый плод на две половинки и набивали ими свои карманы. Братишкам приходилось держать пост караула и с шумом разгонять воришек.

Рецепт варенья из урюка

Урюк (тур. км. эрик) – это среднеазиатские мелкие сорта абрикосов с красным румянцем. Отдельные сорта подходят для сушки, из них получается золотисто-оранжевая курага и сушеные абрикосы.

Первосортные фрукты надо покупать рано утром, идти прямо к открытию базара. Выбирать фрукты среднего размера, твердые, сладкие, красновато-оранжевого цвета.

Они не развариваются. Промыть и отделить от косточек, поделить на две равные половинки.

Залить водой с расчетом 2 кг сахара на 3 кг фруктов, или чуть меньше, чуть больше, по вкусу. Когда весь сахар растворится, можно поставить на медленный огонь. Довести до кипения и выключить, дать остыть и снова на огонь и тут можно добавить целенькие косточки от урюка.

И так поочередно варить до получения нежного, мягкого и целого фрукта, чтобы каждая половинка блестела золотистым цветом и ждала подачи на стол. Объедение!

В конце же лета наступала пора соленьев.

Закручивались трехлитровые банки с помидорами и огурцами, с капустой и маленькие баночки с баклажанной икрой. Это было просто объедение, когда холодной зимой садишься с большим куском хлеба и макаешь его в глубокую тарелку с этими баклажанами. Так можно было долго сидеть, не вставая, и медленно запивать горячим чаем.

Из бывшей временки построили просторную кухню и ванную, а с другой стороны осталось место для большущего гаража с ямой прямо посередине. Когда мы спрашивали у отца, зачем это, он объяснял нам, что машину придется чинить и ему будет удобно стоять внизу с инструментами в руках и устранять неполадки.

– А почему ее надо чинить? У нас же будет новенькая «Волга»? – прыгал рядом младший брат.

– Новую потом купим, сначала денег надо заработать, а сейчас – какую найдем, главное, чтобы была подешевле, – вздохнул отец.

Пока же никакой «Волги» у нас не было. Это были всего лишь планы. Но все-таки наступил тот день, когда отец смог накопить денег на поддержанную «Волгу». Такая радость! И почти сразу стал ее чинить, но не стоя в той яме, а прямо на улице, возле дома. И как назло, именно зимой вечно что-то барахлило и машина отказывалась заводиться. После яму превратили в хранилище – чего только там не было, а мальчишки устроили в ней блиндаж.

Был во дворе загон для барашков и отдельно для курочек. У ребят поселилась симпатичная собака Кеша, и для нее построили конуру.

Там же стоял большой *топчан*, на который мы стелили кошмы, а летом вся наша детвора любила там спать, разгоняя руками комаров. Он был неотъемлемой частью нашей семьи, а мы с сестрами хотели, чтобы гости сидели на нем, так удобнее было приносить чай из кухни.

Топчан – это предмет мебели, пришедший с Востока. Жилища на Востоке делали каменными. Пол в помещениях был холодным, нужна была мебель, на которой можно было бы и спать, и принимать пищу. Это место должно быть компактным и занимать минимум пространства. Топчан выполнял функции кровати. Его удобно поставить во дворе под навесом или в беседке. На нем можно отдыхать и принимать гостей.

Вскоре наш дом превратился в бесплатную гостиницу, в «Отель открытых дверей». Дом стал очень популярен среди многочисленных родственников из отдаленных районов. Мы жили в столице, и всем хотелось увидеть жизнь в городе. Тем более, если есть где остановиться, причем круглый год. У мамы, главного менеджера гостиницы, всегда находились свободные номера. В любой день и час могли постучать в дверь. Мы с сестрами были всего лишь сотрудниками отеля без оклада, но обязанности свои выполняли на отлично.

Очень редко нам удавалось остаться одним, в кругу семьи. Вахта держалась круглосуточно, а дежурным, открывающим калитку, был папа.

Некоторые гости задерживались надолго, одному надо подлечиться в городской больнице, другому – разузнать про учебные заведения для своих детей. Завсегдатаем гостиницы был один из дальних родственников из Теджена, он приезжал каждую неделю. По воскресеньям привозил товар для продажи на большом рынке, а перед тем, как уехать, забегал к нам поздороваться. Как только он открывал калитку, сразу звал маму и просил ее ставить чайник, «попить чаю», и тут же добавлял:

– Если есть что покушать, можешь разогреть немного.

– Проходите, проходите, – отвечала мама и напрямиком на кухню.

– Вот и хорошо, а то я подустал немного, и на поезд надо успеть, – бормотал он еле слышно, проходил на веранду и садился. Чайник уже стоял перед ним. Затем мама могла разогреть, если что-то было готовое, и, конечно же, поддерживала разговор, интересовалась их семьей, детьми, о том, как им живется там, на селе. Не знаю, поступила бы я также на мамином месте? Не уверена. Чаем, конечно, угостила бы.

А тут и папа подъезжал на своей «Волге», он здоровался с гостем и садился с ним вместе попить чаю. Мама придвигала скатерть поближе к мужчинам, так, что они сидели поодаль от женщин.

Только в зрелом возрасте я поняла, почему, согласно древнему обычаю, женщин и мужчин принято сажать за разные столы. Оказалось, что у главы большой семьи, или старшего мужчины, традиционно было специально отведенное ему место у очага, на которое никто не

смел садиться. Только маленькие внуки и правнуки могли сидеть рядом с ним. Такое же место было у старшей в доме женщины, она ела одна или со старшей невесткой.

По старинным обрядам муж является для женщины господином, она обслуживает его и семью, занимается домашней работой, даже если при этом у нее есть своя работа вне дома. На больших праздниках женщины и мужчины сидят за разными столами. Хотя в нашей семье мы очень редко следовали этой традиции и все сидели вместе. И только когда к нам приезжали дальние родственники мужского пола, мы с сестрами отсаживались подальше, да мы и сами не хотели сидеть с ними и слушать их семейные новости.

Бабушка и папа учили меня, что каждого, кто приходит в дом, надо обязательно накормить, потому что это «гости от Аллаха». Такова древняя традиция. Обидеть гостя означало противиться Богу, так можно было навлечь несчастье на себя и свой дом. В древности этот обычай поддерживал путников в пустыне, ведь без воды и хлеба, которыми их угощали в оазисах, им было не выжить.

Когда была маленькая, я не придавала этим обычаям особого внимания, но когда мне исполнилось лет десять, очень захотелось увидеть этих путников, которых так серьезно описывала моя бабушка. Я подумала, что они не смогли бы вот так прийти без приглашения. Хотя большинство наших гостей точно так же появлялись неожиданно, не зря мы с сестрами называли наш дом «*Отелем открытых дверей*».

И вот однажды, сидя с родителями и бабушкой, я захотела представить себе этих путников из пустыни, я мечтала познакомиться с ними и закрыла глаза. Я сидела так довольно долго, но так и не смогла увидеть этих путников. Зато я почувствовала, что моя бабушка не одобряет моего поведения и готова была уже сделать мне замечание, чтобы я не дурачилась.

И вдруг в нашу калитку постучали. И, не дождавшись ответа, путники сами ввалились к нам во двор. Интересно, что скажет на это отец?

Я медленно открыла глаза и увидела на нашей веранде грозных мужчин, одетых в костюмы воинов. На их шеях висели ружья, а сами путники были в длинных халатах, повязанных кушаком, широким матерчатым поясом, на ногах у них были сапоги и, хотя на улице стояла жара, на их головах красовались огромные папахи, которые были надвинуты прямо на глаза, из-за чего их лица трудно было разглядеть.

Они поздоровались и стали садиться.

Мой отец опешил, но все же кивнул маме, чтобы она пододвинула сачак (толстая домо-тканая скатерть из хлопчатобумажной ткани или сотканная из верблюжьей шерсти для хранения хлеба), который всегда лежал в большой эмалированной чашке. Перед тем как все приступили к трапезе, отец и гости принялись молиться.

И тут я заметила, что они искоса поглядывали на женщин, которые сидели возле папы, а затем обнаружили и меня, и мою младшую сестру: мы как раз сидели в углу и тихо занимались. Похоже, нашим гостям не понравилось присутствие девочек за столом.

Моя мама тут же заметила их взгляд и тихо попросила нас уйти. Меня это взбесило, я встала и сама недовольно и грозно посмотрела на незваных гостей.

А потом мы с сестрой удалились в свою комнату. Но я все-таки хотела убедиться, что к нам пришли чужестранцы.

Я немного постояла в своей комнате, а потом прокралась на веранду. С папой не было никаких чужаков. Там сидел мой дядя с двумя своими сыновьями. Эти мальчишки были приблизительно нашего с сестрой возраста. Тут же старший из них повернулся в мою сторону, и я подумала, что он, наверное, присматривал себе невесту, поэтому пришел с отцом. Но я-то точно знала, что за родственника я ни за что не пойду. А если бы родители стали настаивать, я бы вообще убежала из дома.

Я еще раз оглянулась и шепотом спросила у мамы:

– Мама, а где те... – не успела я договорить, как поняла: все это было игрой моего воображения.

Итак, наш отель круглосуточно принимал даже незнакомых гостей – «путников». Я подумала, что хорошо бы время от времени закрывать его на выходные, просто повесить табличку с надписью: «Закрывается на длительный ремонт».

Я быстро придумала сценку к моему будущему фильму: двери закрыты, а гости разложили свое барахло перед голубой калиткой и полулежа пьют чаек из своего термоса в тени урюкового дерева. Те, кто постарше, ведут себя тихо, лежат, ожидая конца ремонта, не стучат, не ворчат, очень вежливые.

Нет, пример с ремонтом не подходит! Надо что-то другое придумать! Но пока ничего не приходит в голову. Гости так и продолжают наслаждаться нашим гостеприимством.

Самыми запоминающимися и нахальными гостями стали дальние родные бабушки, приехавшие из Афганистана. Они задержались у нас на целый месяц!

Переселение туркмен на территорию Афганистана проходило на протяжении позднего Средневековья. Они перемещались на новые земли по социальным причинам: искали новые пастбища и постепенно переходили к оседлому земледелию.

Но у них были и политические мотивы. На протяжении XVIII века дважды была разрушена плотина на реке Мургаб, это лишило Мервский оазис водных ресурсов. Обреченные на голод и нищету, туркменские племена были вынуждены искать новые места для поселения.

До апрельской (саурской) революции (Афганистан, 1979 год) туркмены были ограничены в правах. Было трудно поступать в учебные заведения, а если кому-то удавалось учиться, то занятия велись на языке дари и пушту. После революции туркмены смогли развивать свою национальную культуру. Впервые появилась газета на туркменском языке, где печатались произведения наших поэтов и писателей.

В пятидесятые годы двое братьев моей бабушки отправились в Афганистан в поисках лучшей жизни. Но позже оказалось, что их переезд был большим заблуждением.

И вот, спустя 25 лет, их дети с внуками смогли приехать, навестить свою прабабушку. Им так понравилось у нас, что они готовы были остаться навсегда. Но кто же сможет их приютить? У нас самих куча детей. Они уверяли моих родителей, что если смогут здесь остаться и первое время пожить у нас, то найдут работу. Никто им не поверил, кроме нашей бабушки. Если бы мои родители согласились, то вряд ли кто-то стал бы работать: за ними и так хорошо у нас ухаживали.

Мы даже представить себе не могли, что вдруг ни с того ни с сего у нас появится еще шесть человек. Бедному отцу пришлось бы продать последние штаны из-за всех расходов на уважаемых гостей. Он пожаловался нам, что ему пришлось зарезать последнего барашка – бедняжечка-барашек! – и его слопали. Отцу было неловко жаловаться на эту ситуацию.

Но в конце концов он собрался с духом, подошел поближе, присел возле бабушки и неожиданно для всех сказал: «Нет!», а сам дрожал и долго сидел перед ней, склонив голову на плечи, как будто его сейчас поведут на расстрел. Мама и младшие дети стояли рядом как группа поддержки. Их молчание длилось и длилось, все в ожидании уставились на бабушку. Но

та, как неприступная гора, медлила с ответом, будто проверяла всех на прочность. Она ничего не ответила, но мы-то знали: она все поняла. Ее сын действительно ужасно устал.

Когда я рассказываю о трех поколениях моей большой семьи, то замечаю, как мы все похожи. Все мои бабушки были очень своенравными и уверенными в себе женщинами, им пришлось быть сильными, чтобы вести все хозяйство и растить детей. Мужчины же у нас еще с древних времен были защитниками и оберегали семью, им и впрямь приходилось стоять на страже.

Мне не повезло увидеть своих прадедушек и прабабушек, но я уверена, что их дети, а затем все внуки и правнуки, взяли с них пример и заботились о своих родителях, старались жить мудро и с достоинством. Но интересно еще и то, что многие мои предки были очень красноречивы, хотя порой не имели никакого образования. Первой, о ком я решила разузнать, стала моя бабушка по отцовской линии. Она тоже не оканчивала никаких школ, ее, как и многих женщин в те времена, отдали замуж за взрослого мужчину, но это не помешало ей найти с ним общий язык и вырастить шестерых детей.

Она владела прекрасным, грамотным разговорным языком, хотя я не помню, чтобы она сидела и читала книги или писала письма, она просто рассказывала истории и при этом всегда что-то делала, то ткала ковры, то разбирала по цветам шерстяные нитки, попивая свой остывший чай. Сейчас мне жаль, что я не записала ее сказки и легенды, а также забавные истории о предках.

Зато все ее старинные шутки-прибаутки плавно перешли к ее сыну, моему папе, и к двум ее дочерям, и они смогли унаследовать все богатство ее речи и умение красиво говорить.

Мои тети, сестры папы, жили в дальних селах, и мы виделись с ними не очень часто, в основном по праздникам, таким, как день рождения или свадьба, или когда собирались помянуть кого-то из наших близких. Эти женщины умели говорить спокойно и никогда не повышали голос. Сестры очень строго придерживались всех старинных традиций и обычаев туркменских семей. Своих детей они вырастили такими же, как они сами. Мне нравилось, что они обращались друг к другу и к своим детям только со словом «джан, джаным» (в переводе с туркменского – «душа, жизнь») – Курбан-джан, Гозел-джан или со словом «эзиз» («родной, родная») – эзиз доган (родной брат, родная сестра).

Папа также стал муллой и был всегда званым и почитаемым гостем у всех родственников, у всех друзей семьи и соседей, его ждали в такие дни.

Поэтому для меня остается загадкой, когда он находил свободное время, чтобы взять в руки книгу и посидеть в тишине.

Мои родители тоже были очень красноречивы. Правда, когда моя мама этому успела научиться, я так и не знаю, ведь она все свое время посвящала домашнему хозяйству, и я не помню, чтобы видела у нее в руках книгу.

Лунный луч

Я стала первым ребенком в семье и родилась в лунную ночь, поэтому для моих родителей не стоило труда выбрать имя, меня назвали *Айгозел – лунная красавица*. По традициям туркменской семьи выбор имен новорожденных зависел от самых старших в доме. Но неожиданно невестке позволили придумать дочери имя.

Мое красивое имя созвучно с маминым, в котором тоже есть слово «красавица». А «луна» указывает на то, что на небе сверкала луна.

Считалось, что личности с этим именем посвящают свою жизнь поиску себя и раскрытию творческого потенциала.

Одним из главных правил в отношении детей является наречение ребенка красивым и благозвучным именем, его значение должно подчеркивать достоинства его обладателя. Роди-

телям необходимо нарекать ребенка таким именем, чтобы оно освещало его жизненный путь, вело свое происхождение из глубокой истории ислама.

Имя должно быть чистым и счастливым, чтобы оно освещало жизненный путь новорожденного и при этом черпало силы из древней истории ислама.

Женские туркменские имена благозвучные и красивые. Часть из них переводится просто и лаконично: «жемчужина, серебро, красавица, сахар». Многие из них могут рассказать, в какое время родился ребенок, в какой день, шел ли в этот момент снег или дождь.

Очень популярны цветочные имена со словом «гюль», к нему добавляют цветовую гамму: Язгюль – весенний цветок, Сарыгюль – желтый цветок и т. д. Среди женских имен встречаются и названия деревьев, дающих вкусные плоды, например цветок урюкового дерева – Эрикгюль, животных и птиц: Билбил – соловей, Джерен – лань и другие.

Очень много имен, начинающихся со слова «Ай» – луна и «Гозел» – красивая, красота, красавица.

В сочетании этих слов образовалось – АйГозел. Так назвали и меня, я стала Лунной Красавицей в семье. Такой красивый список женских имен можно продолжать бесконечно.

Старшая сестра

Я о мне не пришлось долго оставаться единственным ребенком и наслаждаться любовью и вниманием всей семьи. Еще через три года следом за мной у родителей появилась вторая дочь. Она была белолицая, похожая больше на мать, и, как рассказывала моя бабушка, она не была такой смугленькой, как я. Ее назвали Ак Гозел, слово «ак» переводится с туркменского как «белый», моя младшая сестра вдруг стала Белой Красавицей, я все время обижалась на родителей и спрашивала их:

– Почему это она белая, а я нет? Я же не черная! – твердила я.

– Ну, что ты внученька, ты у нас тоже беленькая, – как всегда, первой реагировала бабушка.

Младшая была маленькой и очень крикливой, но когда выросла, ее не было слышно. Стала непослушной, капризной и обидчивой дочкой. Вторая дочь стала получать больше внимания к себе. В то время как я должна была смотреть за ней, играть и заботиться, будто бы она была моим ребенком. Все внимание родителей перешло к младшей дочери, и, как всегда, бабушка не давала мне покоя и наказывала меня, если вдруг эта малявка принималась плакать.

Я стала ей и всем остальным младшим сестрам и братьям второй мамой. Мне было очень обидно: почему я должна смотреть за младшими, я тоже хотела играть, ведь мне самой было всего три года. Я не могла больше одна бегать на улице с соседскими детьми, и если младшая была рядом со мной, мне приходилось брать ее с собой.

Мне тоже хотелось бегать с подружками по холмам и собирать там цветы. Я любила цветы, всегда мечтала, чтобы они также росли у нас во дворе. Самыми первыми на холмах расцветали беленькие подснежники, как колокольчики, анютины глазки, потом дикие нарциссы и такие маленькие желтенькие, фиолетовые, голубые цветочки. А королями всех цветов оста-

вались тюльпаны и большие красные маки. Мальчишки умудрялись даже находить там грибы, только никто не знал, какие это грибы, съедобные или нет. Мы жили недалеко от холмов, которые все дальше и дальше переходили в высокие горы, там проходила иранская граница. Мальчишки говорили, что когда вырастут, то обязательно пройдут через мощные и грозные горы с заснеженными пиками и, стоя на самой верхушке, увидят Иран. Но им не удалось бы добраться туда, слишком длинным оказался бы их путь.

А когда мне исполнилось шесть, у меня появилась вторая сестренка, третья девочка, хотя, конечно же, родители, а особенно наша бабушка, ждали мальчика. И тогда наша грозная бабушка сама выбрала ей имя, которое тогда мне казалось обычным словом, ее называли *Огулбябек* — в переводе «мальчик-ребенок».

Представляя себе те дни, сейчас я уже понимаю, насколько это было важно, и наш отец, как и любой другой мусульманин, ждал появления наследника. По его словам, сын должен был стать защитником, который бы заботился о родителях до конца дней и потом стал бы хозяином дома.

Тогда же я спрашивала, зачем им нужен был «защитник», ведь сейчас не было никаких войн, чтобы защищать их от врагов или вредителей. Они начинали рассказы про своих дедов и прадедов, что когда на них нападали басмачи или разбойники, которые могли бы увести их скот или даже украсть их дочерей, их сыновья становились на защиту семьи.

Но я была уверена, что мама радовалась больше всех рождению еще одной помощницы. А вот ее свекровь колдовала по звездам и ждала только внука, чтобы она смогла передать мальчику имя не только своего покойного мужа, но и всех ее родных мужского пола, ушедших на небеса. Будучи своенравной и требовательной главой семьи, бабушка умела настоять на своем.

И только повзрослев, я поняла значения имен со словом «Огул» – сын, мальчик.

По традиции появление первенца всегда связывалось с мечтами о мальчике-наследнике. Если же мечты не оправдывались и рождалась девочка, ее могли назвать именем, которое бы магически утверждало появление мальчика. Родители надеялись повлиять на судьбу, чтобы она была милостива к ним и послала сына. Такое часто происходит в семьях, где рождаются одни девочки или мальчики не выживают.

Отсюда появились имена: Огулболды – «сын, мальчик родился», «сын пришел», «сын остался»; Огулбябек – «сын-ребенок» и даже такие требовательные, как Огулгерек – «нужен мальчик, сын» или Огулдурсун – «пусть будет сын».

А от таких имен, как Дойдук («сыты»), Бессир («хватит»), Дурсун («пусть останется»), мне хотелось просто плакать. На минуту я представила себе такую картину, как девушка знакомится с парнем и на его вопрос: «Как тебя зовут?», улыбаясь, отвечает: «Меня зовут Хватит».

Это могло прозвучать странно, грубо и даже жестко.

Я не могла себе представить, как мама зовет свою дочь по имени «Хватит» и говорит ей: – Хватит, подойти ко мне, доченька, хватит уже беспокоить бабушку.

Мне стало жаль всех женщин, которые носили эти некрасивые имена.

Я долго сидела, опустив голову на колени, облокотившись о стенку, и неожиданно дала себе слово, что если у меня родится хоть пять девочек, я никогда не дам им имена с корнем «Огул».

Наша третья сестра, по словам мамы, росла очень плаксивой и почти всегда сидела рядом, держась за нее рукой.

Я обожала ее, учила красиво расчесывать волосы и не быть плаксой.

В то время наш большой дом еще строился и мы жили во временном с двумя просторными комнатами и чугунной печью посередине, которая обогревала весь дом и отапливалась углем и дровами.

Но однажды в наш дом пришла страшная беда. Как всегда, все были заняты своими делами и никто не заметил, как эта малышка взяла банку, которая стояла возле печи, и отпила из нее. Оказалось, что в этой банке был керосин для разжигания огня.

Мама тотчас же уловила сильный запах, подбежала и схватила девочку на руки, позвала мужа. Они взяли ее и побежали в больницу. Тогда у нас не было ни телефона, ни машины.

Мы же, две старшие сестры, сидели возле бабушки, которая плакала. Ничего не понимая, мы плакали вместе с ней.

Через какое-то время папа с мамой зашли во двор, папа так же держал ребенка на руках, но девочка уже умерла. Это стало трагедией для всех, но бабушка успокаивала родителей, что у них будут еще дети.

Действительно, прошло еще несколько лет, и родился их долгожданный сын – радость всей семьи. Его назвали Аннагулы, в честь деда, «Слуга, раб пятницы». А когда родился пятый ребенок, снова дочь, ей так естественно передали имя умершей дочери, со словом Огул – «сын».

Дальше, как будто по их молитвам, родились еще три сына. Старшего из них назвали Нурмухаммед («Светлый, Пророк Аллаха Мухаммед») – в честь брата нашей бабушки. Двум младшим дали имена Батыр («Богатырь») и Довран («Повелитель, добрый, хороший»). Мы с сестрами постарались, чтобы им дали «одноэтажные» имена – это была наша шутка: так мы называли простые, ясные имена, без лишних «пристроек», как говорила одна из нас.

Семейная с бабушкой

И опять же быть старшим ребенком в семье – это большая ответственность, даже если это девочка, а в мусульманских семьях особенно. Так вот, на мне лежала обязанность не только помогать маме по дому, но еще и быть ответственной за учебу моих младших сестреночек и братишек. Их школьные принадлежности, школьная форма и даже успеваемость во многом дер-

жались на моей тонкой шее. Я также должна была проводить целые занятия с уроками шестерых младших. Им приходилось помогать, объяснять, а за мальчишками нужен был особый контроль, чтобы они занимались.

Я не читала им нотации. Я их наказывала. Правда, эти наказания казались родителям странными и забавными. Сначала я отправляла братьев помыться, переодеться и затем одному из них давала задание прибраться во дворе, а второму – стоять рядом с мамой и чистить картошку. Но это было еще не все. Оба должны были потом взять по книжке и стоя читать по очереди вслух. Конечно, они бы лучше подметали двор!

Когда я была в классе третьем-четвертом, больше всего любила организовывать уличный театр. Перед каждым концертом мы с подругой составляли программку, и все участники, а это были одноклассники и соседские ребята, должны были либо спеть песню, либо станцевать, либо прочитать стихотворение из школьной программы. И неплохо это у нас получалось!

Семейная с мамой

По большим праздникам мы приглашали даже своих родителей. Ставили им стульчики или просто стелили кошмы, на которых располагались взрослые и с удовольствием наблюдали за нашими выступлениями, одновременно обсуждая все новости из соседской жизни, а иногда мы даже успевали заварить чай и разлить его по пиалам. Я всегда была ведущей – конферансье! У меня это здорово получалось!

Для сцены мы использовали большие деревянные баки, оставшиеся еще после постройки нашего дома, закрывали их крышками, стелили на них маленькие коврики, и можно было выступать!

Однажды мы решили включить в нашу программу маленькую сценку из балета «Щелкунчик» на музыку П. И. Чайковского. Я исполняла главную партию, а моя подруга Нина была в роли Клары. И вот в самый интересный момент мы подбегаем друг к другу, не подумав о размерах бака, и летим вместе с баком прямо в песок!

Все захохотали, ну а мы отряхнули наши костюмы и присели в мучительном реверансе, натянув на лица вынужденные улыбки.

И только после поклона, недослушав хохот публики, мы с Klarой забежали к нам во двор, смазали йодом царапины, от души посмеялись и приготовились к продолжению нашего концерта. Иногда мы надевали длинные цветные широкие юбки нашей соседки, обвязывали их поясом, чтобы не сползли с наших тоненьких талий, повязывали головы платками, танцевали и пели русские народные песни.

Время от времени такие концерты продолжались и у нас дома, когда бабушка рассказывала сказки. Одной из любимых сказок моих младших братьев была туркменская народная сказка *Bowenjik* («Толстяк»), Мальчишки слушали ее и тут же начинали разыгрывать для бабушки спектакль. Они запихивали себе под рубашки пышные, пузатые подушки и начинали представление.

Удивительно, что из всех семерых детей только мы с двумя младшими братьями, Батыром и Довраном, любили веселить родителей своими шутивными сценками из мультиков и фильмов.

Мои младшие сестры, Акгозель и Огулбябек, никогда не участвовали в наших концертах, хотя я чуть ли не тянула их за руки: нам нужны были исполнительницы женских ролей. Но им не хотелось, они даже не мечтали стать актрисами.

Сказка «Бовенджик»
Tak-tak etdim dalak iýdim,
Тук-тук, я съел селезенку,
Pök-pök etdim böwrek iýdim.
Прыг-скок, я съел почки.
Gagyldap oturan gargany iýdim,
Съел каркающую ворону,
Eşeklije babany iýdim.
Съел дедушку на ослике.
Torumlyja maýuany iýdim,
Съел верблюдицу с верблюжонком,
On oglany gугур ogup iýdim,
Скосил и съел десять юношей,
Kyrk guzy gугур iýdim,
Сорок девушек я тоже съел,
Sizi iýmän nämejik!
А вас мне съест нетрудно!

А в девятом или десятом классе мама как-то отправила меня на родительское собрание одного из младших братьев, отец был на работе, а маме было некогда. Учительница была просто в бешенстве, что родители не пришли сами и отправили меня. Они вместе с родителями одноклассников брата грозно смотрели на меня и с возмущенными лицами и громкими головами твердили мне, что мой брат «бандит», он обзывает девочек и дергает их за косички или даже за юбки! Я сидела молча, выслушивала все это и не могла дождаться конца этого неприятного собрания. Но я сжала губы, стараясь выслушать их нарекания.

Все закончилось. Лишь бы добежать домой и пожаловаться маме. А по дороге думала, почему некоторые взрослые могут так злобно и грубо выражаться в присутствии такого же ученика, как их дети. Я ощущала их негодование и бегающие взгляды то на меня, то на учителя.

Добежала до дома. Перед калиткой вытерла слезы и зашла во двор.

– Мама, я больше никогда не пойду на эти родительские собрания! Они так возмутились...

– Ааа, дочка, ты пришла? Иди бегом собери белье, похоже, будет дождь!

– Мама, ты даже не спрашиваешь меня, как мне было стыдно за твоего сына... и...

– Потом, потом об этом...

А я тогда подумала, что я молодец, справилась с еще одним заданием и пошла собирать белье.

Глава 2

Против течения

Русская школа для туркменской девочки

Мне исполнилось 6 лет, пора идти учиться. Папа с мамой даже не думали, чтобы отправить меня в русскую школу, им и в голову не могло прийти такое. Конечно же, только в туркменскую! Но это были 60-е годы, и Туркменистан находился в составе Советского Союза. Поэтому школ с русским языком было больше, чем с туркменским. Единственная туркменская школа во всей округе находилась очень далеко от дома. Пришлось бы ехать на автобусе, и папа с мамой беспокоились за меня. Поэтому им пришлось отправить меня в ближайшую, русскую школу. Все соседские дети тоже присоединились ко мне. И я снова оказалась самой старшей среди них.

Сейчас даже не представляю, как у меня получалось там учиться. Я совсем не знала русского, кроме пары-тройки слов, которым меня научила соседка-подружка. При жизни бабушки нам, внукам, было категорически запрещено говорить на русском языке. Как только мы возвращались домой из школы, сразу перестраивались на туркменский лад.

После окончания школы мы ходили с моей подружкой вместе в университет, она была с короткой стрижкой в своей мини-юбке, а я с косами и в красивом длинном платье с вышивкой и оригинальной брошью. Наши платья должны были быть широкими, наверное, на пару размеров больше. Мы с сестрами смеялись над этим, но нам и в голову не могло прийти, что может быть по-другому. Наверное, наша бабушка так задумала, чтобы чужие парни не смогли увидеть наши красивые точеные фигуры.

В начальных классах русской школы быть туркменкой не очень приятно. Нас таких было трое, и иногда мальчишки обзывали нас «туртушками». Мы ходили в своих длинных платьях, поверх которых носили короткие фартуки. Поэтому отличались от русских девочек. С учителями мы даже боялись это обсуждать, сказать об этом дома тоже было нельзя. Мы и подумать не смели, насколько мы отличаемся.

Но я хотела как-нибудь проучить этих ребят. И вот однажды по дороге домой один из них стал кривляться и, снова назвав «туртушкой», сдернул с меня косынку и бросил ее на землю. Все захохотали. Я молча и медленно подняла свой платок, одновременно рассчитывая расстояние от себя до своего обидчика. Мальчишки все еще стояли вокруг меня и громко хохотали. Я медленно выпрямилась, развернулась, крепко держа в руках портфель, и моментально отправила его прямо ему в лоб. Никто такого не ожидал. Все ахнули, раскрыли рты и разбежались кто куда. Я же старшая в семье, кто еще будет защищать своих сестренок в таких же длинных платьях? Это был один из моих смелых поступков. С этого момента все девочки находились как можно ближе ко мне.

Вот я в четвертом классе. Все стали говорить, что в нашей школе будет проходить городской конкурс на лучшего чтеца среди старшеклассников.

В школе было десятилетнее образование, и ученики пятых классов уже считались старшеклассниками. Нам тоже разрешили пойти в актовЫй зал и послушать их. За несколько дней до этого мероприятия неожиданно для всех наша учительница объявила, что только меня одну из четвероклашек ей удалось включить в список участников. Все очень удивились, я сразу заметила, как некоторые соорили недовольные гримасы. А мне самой стало страшновато, что придется читать стихотворение перед целой серьезной комиссией.

Выбрали стихотворение М. Исаковского «Летят перелетные птицы».

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,

И Африка мне не нужна.
Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

По итогам конкурса я заняла первое место. А там были чтецы даже из десятого класса. Ура! Учительница и все одноклассники говорили в один голос, что все плакали. Я сама тоже плакала. Вот это удача. Это стало моим первым достижением!

И вот однажды, после такой победы, придя домой и набравшись смелости, я заикнулась бабушке, что хочу играть на пианино. Наш учитель по пению так классно играл на пианино, и мы с девочками могли стоять возле него часами и слушать эту музыку. Я сразу представила себе, как я сама буду играть на таком музыкальном инструменте со сцены огромного театра, а все мои одноклассники будут сидеть и завидовать мне. И вот, помечтав и вдохновившись тихими звуками клавиш пианино, я прибежала домой и заявила об этом, но в ответ только услышала такие знакомые слова:

– Это не твое дело, – тихо проговорила она.

– Ну, тогда буду геологом. Хочу ездить по странам и находить старинные сокровища, – с задорным энтузиазмом заявляю я.

– Это что еще за профессия – ездить по странам и искать старинные вещи? – Она нахмурилась и сама пошла заваривать чай, даже меня не попросила.

– Бабуля, а больше всего на свете я хочу стать балериной! – радостно говорю я, уже представляя себя на сцене. Сама же иду за ней на кухню и предлагаю все сделать и принести.

Мы обе стоим молча, и вдруг слышу ее голос:

– Что это ты такое говоришь? Какой еще балериной? Хочешь голой бегать по сцене?

Я было понадеялась заработать заваренным чаем ответ «хорошо», но увя. Уже и объяснять не стоило, что они не голые, это у них такие красивые тонкие костюмы.

Но наши беседы с бабушкой были непродолжительными. Всегда вмешивалась мама с очередным поручением, которым не было конца, и всегда она говорила: «Бегом!». К моим обязанностям добавилось еще одна – бегать на базар за картошкой и морковкой. Мне было трудно выполнять именно это поручение: прежде всего, было просто тяжело таскать все покупки и, кроме того, мне не всегда удавалось притащить все домой без маминых замечаний. Вот и сегодня надо взять список покупок и поторопиться на базар. Хорошо шагать туда, руки еще пустые, пять минут – и ты на остановке.

По дороге вдруг сообразила, почему надо «быстренько!». На это могут быть две причины. Во-первых, неожиданно пришли гости, а они только так и приходят, и их придется угощать не только чаем с хлебом.

Во-вторых, у мамы, должно быть, много других дел, которые тоже требуют времени. Это могло быть что угодно: убираться, погладить школьную форму, постирать или еще что-нибудь.

С пятого класса начались уроки английского языка. Я очень любила учить новый язык. Но оказалось, что грамматике уделялось недостаточно времени, поэтому мы не все понимали. На уроках больше времени уделялось чтению и заучиванию коротких рассказов на различные темы. В любом случае такие предметы, как английский, русский, туркменский и литература были самыми любимыми. Химию и географию я тоже с удовольствием учила, но не до конца понимала физику.

Все остальные предметы мне тоже нравились, кроме истории, до сих пор не знаю почему? История древнего мира была слишком далека от меня, не трогала мою душу. Мне не стоило труда вы зубрить наизусть всего «Евгения Онегина». Папа тоже не мог что-то объяснить про древний мир, ему, похоже, и настоящего мира, и большой семьи было уже достаточно. Я замечала, что многое зависит и от учителей: с некоторыми даже самый трудный предмет легко усваивался, и тот же предмет совершенно не давался с другим преподавателем.

Для меня важное значение для хорошего понимания самой сути предмета имел голос говорящего. Ведь одно и то же предложение можно произнести по-разному. У строгого учителя голос всегда низкий, громкий и отчетливый. А у других, как у нашей исторички, голос был высоким и писклявым, что ничего не разберешь. Я терпеть не могла уроки истории только потому, что не могла слушать ее голос.

Сейчас я подумала, что мой интерес к звукам, произношению и интонации, возможно, начался уже в школе, ведь впоследствии я преподавала именно фонетику английского языка и писала кандидатскую по фонетике моего родного туркменского языка.

И однажды мне вдруг вспомнилось стихотворение про перелетных птиц, когда я училась в четвертом классе и победила в конкурсе. Тогда я читала его и представляла себе этих птиц прямо над моей головой, как будто я видела, как они счастливо кружились, а затем улетали далеко-далеко, чтобы снова вернуться домой.

Оказалось, что уже тогда я любила читать с выражением и заучивать большие стихотворения. Уже тогда я больше слушала, чем видела. Как-то раз моя сестра спросила меня:

– Ты видела сегодня невестку наших соседей?

– Да, видела, мы даже поболтали с ней, – спокойно ответила я.

– Ты заметила ее красивое платье из фиолетового бархата?

– Нет, я не помню ее платье, но она так тараторила и громко разговаривала, что я даже...

– Нет, я тебя про платье спрашиваю, а не про то, что она сказала, – сестра махнула рукой и ушла.

Я не обращала особого внимания на то, в каких туфлях или в каком платье была соседка или подруга, но могла повторить, как она говорила. Единственное платье, которое я запомнила на всю жизнь, – это то самое с бабочками, в котором была молодая женщина, стоявшая вместе со мной в очереди за помидорами на нашем базаре. Потом, спустя много лет, у меня было почти такое же зеленое платье, я даже надевала его в Африке.

Астрономия казалась очень интересной наукой. Но каждый раз, когда я садилась делать домашнее задание именно по астрономии, мама звала меня с очередным заданием по дому. Я только собралась прочесть и представить себе, как и где кружатся планеты вокруг солнца, и уже стала закрывать глаза, чтобы все увидеть, будто в кино, как услышала мамин голос. Планеты так и остались крутиться только над моей головой, без меня самой. Если бы не пришлось бежать на базар за помидорами, может, я могла бы стать космонавтом, первой туркменской женщиной-космонавтом. Тогда бы мама не смогла отправить меня за овощами, не нашла бы меня рядом. Из космоса я бы с радостью сбросила мешок картошки прямо на наш дом, но там трудно ее достать.

Там просто летаешь и видишь все звездочки рядом с собой. Никто не зовет тебя из дома, даже бабушка не сможет найти меня рядом. Хоть на свободе поживу!

Но ничего не вышло!

Именно в этот час мама нарушила мой полет и попросила меня выполнить очередное задание, а это могло быть что угодно!

Нарушая запреты

После средней школы, как и все одноклассники, я решила учиться дальше и поступать в университет. Мне очень хотелось заниматься иностранными языками, и я с радостью сказала об этом родителям. Сначала они вообще не поняли, о чем это я.

Похоже, им понадобится какое-то время. Как обычно, мама первая реагирует на мое заявление, кивает, но ничего не говорит. Она долго смотрит на меня с вопросом на лице, медленно поворачивается к отцу и спрашивает его:

– Ты слышишь, что говорит твоя дочь? – Она всегда выделяла слово «твоя» дочь или «твой» сын, если хотела подчеркнуть важность ситуации. Отец сидит спокойно, пьет чай и, похоже, раздумывает о том, что происходит. Он был всегда очень спокойным.

Потом родители вдруг удивленно переглянулись, а затем вместе повернулись к бабушке. Им легче всего было бы сказать «нет», тем более я дочь, а не сын. Ведь сыновьям у нас гораздо легче настоять на своем и пойти учиться туда, куда они хотят.

Бабушка, как водится, оставалась самым интересным участником этой сцены. Я всегда с удивлением наблюдала за ее реакцией: как она могла сохранять такое спокойствие в какой бы то ни было ситуации? Мне казалось, что она даже не слушала, но она не только слушала, но и прекрасно слышала. На меня бабушка вообще не смотрела и тихо пила свой зеленый чай из пиалы. У меня же только бегали глаза с мамы на папу и слегка на бабушку.

Однако они не спешили запрещать мне поступать в институт. И, должно быть, надеялись, что бабушка запретит. Время шло, но она молчала. Молчала и я. Сидела и ждала их ответа. И вдруг отец говорит:

– Если ты хочешь учиться дальше, то только на врача!

Я покачала головой. Какой из меня хороший врач? Я начинаю возмущаться и злиться, доказывая им, что я трусливая и из меня не получится хороший врач. Я же первая упаду в

обморок, вместо того, чтобы оказать помощь пациенту. А вот к языкам у меня явные способности! Но никто меня уже не слушал.

Отец не сдавался. Не сдавалась и я.

Вся в слезах я побежала к подруге Анне, они жили недалеко от нас, у нее были удивительно дружеские отношения с матерью, и потому та порой участвовала в наших беседах. И когда я влетела к ним домой, тетя Сима, ее мать, тут же решила, что произошло что-то действительно страшное. Рыдая, я им рассказала, что меня вынуждают учиться на медика, а я не хочу. Выслушав меня, обе они решили, что должны меня поддержать. И хотя было уже довольно поздно, они отправились со мной к моим родителям, чтобы поговорить с ними, сказать, что они ломают будущее своей дочери.

Войдя к нам на кухню, гости сели за стол. Мама налила им чай и поставила на стол... Беседа текла неспешно... Мои родители только кивали, что, мол, они уже поговорили со мной.

Но в итоге я добилась своего. А тем временем большинство моих подруг вынуждены были следовать воле родителей и оставить учебу. Таковы правила в наших традиционных семьях.

Как я оказалась в другом вузе

Я проплакала всю ночь, а утром помчалась прямо в университет сдавать документы на факультет иностранных языков. Почему я пошла именно туда? Кто, вы думаете, повлиял на мое решение? Конечно же, моя учительница по английскому языку. На выпускном вечере она тихонько отвела меня в сторону и сказала, куда я должна идти учиться, что у меня были способности к языку, что потом я приду и скажу ей спасибо. В итоге так и получилось.

Языки мне давались гораздо легче, чем математика. Я стала одной из лучших. Так что мне повезло. Я поступила в университет, окончила его, а потом стала преподавателем. И мой отец ни разу не пожалел, что дал в тот день слабину и разрешил мне самой выбирать свою судьбу.

Первый экзамен! Жирная тройка! Похвалили хоть за интонацию и произношение, но, мол, грамматику надо знать. Знали бы они тогда, что буквально через каких-то пять лет я стану их коллегой.

В итоге прошла по конкурсу и бегом доложила об этом родителям. А как же их домашний врач? Хорошо, что потом через много лет моя младшая сестра стала врачом, их врачом. Уж как гордились родители! Моим успехам они не очень-то радовались.

Начались мои университетские дни. Университетские годы были очень яркими, насыщенными многочисленными мероприятиями, трудными в начале, но приносящими огромное удовольствие к концу учебы.

Пришлось хорошенько попотеть первый семестр, не поднимая головы от учебников, но это дало свои плоды. Первая заслуженная пятерка по языку стала началом моего успеха.

Сам учебный процесс был несложный, особенно после первого полугодия упорного труда как в университете, так и дома. Хотя здесь опять же к вопросу о преподавателе, очень многое зависело от него, насколько мне нравился предмет или наоборот. Насколько мне хватало терпения зубрить, не всегда даже понимая все до конца... Но экзамены все равно надо было сдавать.

Приходилось очень много заниматься, сидеть часами за столом и зубрить. А письменным столом мне служила ножная швейная машинка. Саму машинку можно было опустить вниз и поставить сверху крышку, таким образом она превращалась в стол. Когда я запиралась в нашей комнате для девочек, чтобы делать домашние задания, и не выходила оттуда часами, моя бабуля очень волновалась. Она пугалась, спрашивала, не сошла ли я с ума? Так как я бормотала вслух непонятные ей слова и фразы. Это я просто зубрила слова на английском

языке. Она частенько стучалась в дверь и звала меня поесть или попить чаю. Золотая бабуля! Мама звала меня только тогда, когда нужно было ей помочь – либо готовить, либо заниматься с кем-то из младших детей.

Помимо учебного процесса, каждый год, осенью, нас обязывали и отправляли на сборы хлопка. Обязательно – здесь не поспоришь! Это стало одним из «ярких» мероприятий универа – сбор хлопка в различных колхозах!

И так каждый год в течение всех пяти лет! Студентов направляли по колхозам в дальние районы страны, чтобы мы помогли государству выполнить план по сбору хлопка! Как громко это звучит, не правда ли?

Это были просто адские дни – мы жили в зданиях сельских школ или вообще в бараках вместе с мышами, ели рис с жучками и паучками, мылись в общественной бане один раз в 7-10 дней! И находились на нашем *горячем* солнышке целый день, частенько под 45–55 градусами! И так каждый день с семи утра до шести вечера.

В один из таких дней было уж очень и очень жарко и совсем не хотелось работать. Нам с подругами так надоел этот хлопок и все вокруг, что мы решили немного пофантазировать, а лучше сказать – схалтурить. Это слово больше подходит к тому, что мы затеяли. Мы сняли наши косынки с головы и развесили их на самых высоких кустах, чтобы их было видно изда- лека; а сами просто легли между кустами, решили немного передохнуть и поболтать... Но, видимо, наш преподаватель заметил, что эти три косынки задержались в одном и том же месте, и надолго!

Вдруг слышим громкий голос нашего преподавателя и видим его яростное лицо прямо над нашими головами:

– Подъем! Зайти сегодня после рабочего дня в учительскую!

Вот и все, что получилось из нашей актерской сценки; недолго мы смогли повалить дурака...

В итоге я не знаю, сколько там процентов мы насобирали? Может 7–8 %? Не больше. Не думаю, чтобы наш вклад был значительным. Сейчас же они обходятся без труда студентов? Хотя по сведениям жителей сел, школьники и по сей день помогают сбору хлопка в тех райо- нах, где они живут. Не могу только сказать добровольно ли это или принудительно.

Сейчас слово «колхоз» ушло в прошлое. Сейчас – район, поселок и т. д. Колхозы закон- чились с распадом компартии.

Но покривлю душой, если не замечу, что эти дни порой были еще и романтичными. Здесь у многих из нас – девушек и парней 17–18 лет – начиналась первая любовь! У кого первая, а у кого уже не первая – не это самое главное. Главное, что во всем этом было очень много романтики!

Мне, например, на втором курсе учебы, парнишка с первого курса посвящал стихи! Он аккуратно писал их на тетрадных листах бумаги и отправлял мне в конверте через «курьера» – кого-нибудь из ребят или девчат с его курса. А мы, в свою очередь, бурно их читали вслух всей комнатой и потом смеялись почему-то. Какие же дуры! Да еще и комментировали... А в итоге ни одного из этих писем у меня не сохранилось. Сейчас очень и очень жалею об этом.

Если уже рассказывать про романтику и влюбленность, то самый первый раз мне сде- лали предложение руки и сердца аж в восьмом классе средней школы. Да-да! Мой одноклас- ник зашел к нам домой по дороге из школы и вдруг неожиданно сказал моей маме, что хочет жениться на мне после окончания школы! И просит дать родительский ответ прямо сейчас!

Сказать, что я изумилась, – это ничего не сказать, но как удивилась мама! Она, кажется, лишилась на мгновение дара речи... Смотрела на меня, а я, вся покрасневшая, смотрела на него, а мой «жених» уверенным голосом рассказывал, как мы хорошо будем жить!

– Хорошо, – сказала мама. – Мы подумаем.

– Хорошо, – согласился «жених». – Ответ буду ждать завтра.

Когда он ушел, началось...

– Что это такое? – возмущалась мама. – Один раз проводил домой и – жених? Сам еще в восьмом классе, а он, видите ли, ждет ответ завтра. Армяне все такие горячие? Почему он в первом классе не пришел? А если бы дома были родственники, что бы они сказали? Хорошо еще, бабушки здесь нет.

– Мама, он ведь даже не говорил, что любит меня, и я ничего не знала, – слабо сопротивлялась я.

– Неважно. Он в нашем доме это сказал! Пойду к учителю, пожалуйста! Иначе завтра он на коне прискачет.

– Мама, у него нет коня... Он врачом хочет стать.

– А почему ты его защищаешь? Восьмой класс! Это же надо придумать!

Впрочем, теперь мама уже не скрывала, что шутит. Потом, когда мы вечером пили чай вместе с бабулей и сестренками, все смеялись над этой ситуацией. А мне все равно было приятно.

Как я хотела стать знаменитой актрисой

Я вспомнила один забавный случай, в котором моя младшая сестренка сыграла роль переводчицы.

Пришла я как-то домой из университета и увидела следующую картину: отец с матерью сидели с какими-то непонятно озабоченными лицами. Мама была в своем темно-фиолетовом платье с почти незаметными желтенькими цветочками и с косынкой на голове. Она нахмурилась и даже не обрадовалась моему приходу, их молчание становилось загадочным. Рядом с ними сидела младшая сестренка, все еще в своей школьной форме, только белый фартучек лежал рядом, а ее тонкие косички с бантиками болтались из стороны в сторону, она без конца крутила головой.

В руках она держала письмо, оно было от моего будущего жениха. Тогда он служил в армии на Дальнем Востоке. Я тотчас же заметила конверт, он лежал на полу рядом с ее портфелем, они уже распечатали его и ознакомились с содержанием. Увидев меня, маленькая покрепче сжала письмо и быстро передала его маме. И внезапно их молчание прервалось ее писклявым голосом, она повернулась ко мне и гордо сказала:

– Смотри, тебе письмо пришло из... из... – тут она взяла конверт, посмотрела на адрес и продолжила: – Из Хабаровского края. Я знаю, где это находится, папа уже показал мне на карте.

– И что случилось? Почему вы открыли конверт? – вспылила я, не смогла сдержаться.

– Кто это такой? Ему не стыдно такие письма писать? – затараторила мама.

– Какие это «такие»? Дай-ка мне его, – я протянула руку, а сама пригрозила указательным пальцем малявке и прошептала ей: – Вот только подойди ко мне завтра с уроками, я тебе помогу.

Но эта любопытная так и продолжала:

– Смотри, здесь даже написано: «Я люблю тебя!».

Оказалось, что любить запрещалось даже в письмах, а тем более на экране телевизора.

За год до этого туркменская киностудия ставила фильм о знаменитом поэте *Махтумкули*. Постановщики фильма искали девушку на роль его возлюбленной по имени Менгли (в переводе с туркменского – «девушка с родинкой»).

Великий мыслитель Махтумкули Фраги считается основоположником туркменской классической поэзии. Махтумкули Фраги (1724–1807), туркменский поэт-суфий, сын поэта Азади, приблизил язык поэзии к народному языку. Он писал стихи о страданиях народа, разоренного чужеземным нашествием, с призывом к объединению враждующих туркменских племен, любовную лирику, сатирические стихи о людских пороках. Махтумкули оставил прекрасное поэтическое наследие, ставшее культурным достоянием всего человечества. Его поэзия – неиссякаемый источник вдохновения для всех, кто прикоснулся к творчеству поэта, кто открыл для себя его поэтический мир. В 2014 году в Туркменистане праздновали 290-летие со дня рождения великого туркменского поэта и мыслителя. Его имя увековечено в названиях улиц, скверов и Туркменского государственного университета в Ашхабаде.

Мы с подругами удивились, что они пришли искать претенденток в университете, а не среди профессиональных актрис. Им нужна была девушка, похожая на нее, высокая с длинными черными косами.

Меня тоже включили в список конкурсанток. Через несколько дней я почти вприпрыжку поехала на киностудию, в тот день меня даже с занятий отпустили. Там сидели еще четыре девушки. После длительной беседы нас по очереди попросили почитать с листа отрывки из стихов поэта. Почти две недели я ходила на киностудию, читала целые отрывки с диалогами. И в самом конце они остановились на мне, сказали, что осталось только нарисовать родинку на левой щеке.

Если бы вы знали, какая я была счастливая! Я почти летела домой рассказать об этом своим родным. Забежала в калитку, потом немного отдышалась и спокойно зашла на веранду, все уже были дома, не было только папы. Я с ходу им объявила, что буду сниматься в кино.

– Какое еще кино? О чем это ты? – не поняла меня бабушка. И, как всегда, она спрашивала почти не глядя, чтобы не отрываться от своего занятия. На этот раз она сортировала для будущего ковра шерстяные нитки по цветам, они уже были выкрашены и просушены. Они с мамой начали собирать небольшой станок, чтобы начать ткать ковер, аж половину веранды заняли.

Мама, похоже, не поняла, что я сказала, но не успела она открыть рот, как ее свекровь продолжила:

– Ты что это, хочешь обниматься и целоваться с мужчинами, и тебя будут показывать по телевизору? Какой же позор на мою седую голову!

– Бабуля, они там вообще не целуются, даже не обнимаются. Они и рядом не стоят, он на одном холме, а она на другом – слушает его. Это будет фильм про великого поэта, он только читает стихи своей Менгли, а я буду играть ее роль.

– Ну хватит уже, иди и займись лучше делами, – она оставила свои нитки, схватила чайник и направилась на кухню. Даже не посмотрела на меня.

Я обратилась к маме за поддержкой.

– Мама, ну скажи же ты ей. Я смогу стать знаменитой актрисой, и вы будете гордиться мной...

Но мама тоже плохо отнеслась к моей будущей артистической карьере.

Трагичной оказалась любовь Махтумкули к прекрасной Менгли – ее продали богатому. А мне так и не удалось сняться в кино. Хотя я была уверена, что смогла бы сыграть эту роль лучше всех остальных девушек. Я бы стояла и слушала, как Махтумкули читает мне стихи, вернее, актер, который бы сыграл его роль.

Живую душу погубили
Два палача – твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча – твои глаза.

Пощады я прошу, стеная,
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща – твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча – твои глаза¹.

После всех этих разговоров мои братья, которые сидели и все слушали, стали волноваться за меня, и оказалось, они приступили к поиску подходящей для меня роли, без поцелуев. И нашли. Это была роль монашки, Пистемии Макаровны, из телевизионного сериала «Тени исчезают в полдень», в фильме она не обнималась и не целовалась. Потом сами весь вечер хохотали, все, кроме моего самого любимого младшего брата, он подошел и сел ко мне на колени, я крепко его обняла. Ребенок почувствовал, что меня обидели.

Потом я удалилась в комнату девочек, достала с полки маленькие сборники стихов и стала читать их стоя, представляя себя на настоящей сцене. Мне так нравилось его стихотворение «Луна», оно было точно про меня.

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце – вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поешь – и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты – раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!

¹ Стихотворение Махтумкули «Глаза Менгли» (перевод А. Тарковского).

Луна встает из-за ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...²

² Стихотворение Махтумкули «Луна» (перевод А. Тарковского).

Глава 3

Восток – дело тонкое

Жених из другого племени

Моя первая любовь пришла ко мне в студенческие годы. Потом она переросла в настоящую любовь, и уже на пятом курсе я вышла замуж.

Познакомилась я со своим будущим женихом на первом курсе университета, в поезде...

Это был поезд особого назначения. Мы, студенты ТГУ, ехали на этом поезде из Теджена в Ашхабад, как раз после завершения сбора хлопка. Студенты с разных факультетов сидели по разным вагонам, а потом ходили из вагона в вагон друг к другу в гости. Мы с подружками сидели в своем вагоне и болтали. Все были такие загоревшие от нашего солнца, как будто мы едем не из Теджена, а из самой Африки. (Кто бы тогда мог предположить, что в Африку я тоже поеду через энное количество лет...)

Но самое страшное еще не загар, а наши поцарапанные руки, сломанные ногти, выгоревшие, бесцветные майки и старые, поношенные финки или джинсы, у кого они были; ну, а на голове «роскошные прически» – наши длинные косы выглядели как после бомбежки. Но, оказывается, что и в таких «красавиц» влюбляются.

Поезд наш двигался, а мы смотрели по сторонам, кто там идет и проходит мимо нас? Какие это студенты, с каких факультетов? И вот мимо нашей группы однокурсниц шли трое или четверо сильных высоких парней. Они остановились прямо перед нами и поздоровались. Это были ребята с третьего курса юридического факультета, оказалось, что один из них жил квартирантом у моей однокурсницы. В момент, когда ее заметил, он решил подойти. Все его друзья, конечно, тоже остановились вместе с ним. Они спросили: как наши дела, как прошел сбор хлопка и т. д. и т. п. Все они как на подбор были просто красавцы – высокие, атлетического телосложения (или это мне так показалось...). Таких красавцев сейчас мы видим больше на подиумах, либо это известные актеры, спортсмены. Надо отметить еще, что они были такие уверенные. Конечно же, ведь они были студентами *третьего* курса. И все эти уверенные ребята после окончания университета стали великолепными специалистами.

И вот, увидев нас, девушек с иняза, они представились и спросили наши имена. Моя подруга представила нас.

Его было сразу заметно, по крайней мере, мне. Он был с бородкой и с такой загадочной улыбкой. Эта улыбка мне запомнилась. Спустя какое-то время я услышала от своей подруги, что он, оказывается, интересовался мной – кто я, откуда? Из какого племени? Племя (прямо как у индейцев!) очень важно для туркмен.

Проходит еще какое-то время, я уже и забыла про нашу встречу. Но вот однажды я выхожу после занятий из универа на площадку перед главным корпусом и жду своих подруг, чтобы вместе идти домой. И вдруг... вижу прямо перед собой загадочную улыбку того третьекурсника с бородкой. Он медленно подходит ко мне и здоровается. Потом спрашивает, можно ли проводить меня домой? Но в этом случае, конечно же, не прямо до дома, а до автобусной остановки; и не одну, а со всеми моими подругами.

Вот так мы и познакомились. Его звали Амангелен (имя-оберег «Пришедший здоровым, благополучным»).

Так он и провожал меня до дома все три года... При этом он, конечно же, шел рядом со мной, как мы тогда говорили, на пионерском расстоянии. Но даже такое пионерское расстояние, оказывается, нежелательно для родителей и взрослых родственников, они всегда где-то за горизонтом. В один прекрасный день мы вместе вышли из троллейбуса и переходили дорогу. И

вот прямо посередине перехода резко тормозит такси, водитель высовывает голову с криком: «Это кто еще такой рядом?»

Это был мой дядя, брат отца, он работал таксистом. Любопытные пассажиры тоже вытаращили глаза, и все с интересом слушали – настоящий детективчик!.. Я сразу заволновалась... Старалась сказать ему, что это просто мой однокурсник, идет в нашу сторону и так далее. Но это прошло мимо ушей моего дяди.

Я все слушала и одновременно наблюдала, как дядя без конца поворачивал голову то влево, то вправо. Похоже, он заодно смотрел, не идет ли к нему какой-нибудь милиционер. Он остановился прямо на запрещенном месте, и это был опасный проезд. Думаю, самое большое удовольствие от этой сценки получили пассажиры, они без конца крутили своими головами из стороны в сторону, слушая взахлеб историю девушки, которая нарушила запреты родителей и гуляла по дороге с парнем.

Потом дядя приказным голосом сказал мне немедленно идти домой и так же резко уехал. Мой жених быстро отошел в другую сторону, мы попрощались, и я пошла домой. Дорога проходила мимо школы, моей бывшей школы. Были слышны радостные голоса учеников, которые выбегали из здания после трудового дня. На минуту мне захотелось оказаться среди них, тогда бы не пришлось отчитываться перед родителями, с кем я шла по дороге. Но сейчас я уже не в школе.

Дома не прошло и десяти минут, как подъехал мой дядя, залетел к нам и рассказал родителям, как их дочь, то есть я, спокойно шла по улице с каким-то парнем. Затем дядя ушел. Надо было видеть его лицо.

Мои мама с бабушкой охали и ахали. Зашли в нашу комнату и учинили допрос.

– Ох, ах, что же это такое? Кто этот парень? Почему ты ходишь с ним по улицам? Что люди скажут?

– Мам, это просто однокурсник, мы ехали вместе в троллейбусе, и он тоже вышел на этой же остановке.

– Что отец скажет?

И так далее...

Я бы удивилась, если бы услышала другое слово или другую фразу. Надоело.

Я думала, это нормально, что парни провожают девушек до дома или хотя бы до перекрестка... Оказывается, нет. Любимое слово родных: «Нельзя!» Пусть сначала женится, а потом и провожает куда хочет.

И вот в конце четвертого курса он говорит мне, что любит меня и хочет на мне жениться.

– Ты согласна? – спрашивает он.

– Согласна, но надо будет спросить у родителей, – отвечаю я. Я уже так наслушалась этого: «надо спросить у папы, у мамы, у бабушки»... У всех, у кого только можно, чтобы весь их *тохум* (род) одобрил и был счастлив.

– Хорошо, тогда я отправлю к вам своих родителей свататься.

– Хорошо, пусть приходят. А я тогда спрошу у моих родителей, когда к нам можно прийти.

– Ладно, буду ждать. Давай поженимся этим летом?!

– Не знаю... подумаю...

Недолго я думала... Что это такое? Настоящая любовь, как в книгах? В фильмах? А в жизни? Все равно как в романах.

Стесняюсь и думаю, как сказать родителям. А когда говорю, вижу их удивленные лица... Что? Да? Кто? Откуда?

Вопрос «Откуда?» имеет громадное значение для туркменских семей. Подумали, переглянулись и наконец сказали: пусть приходят, а там мы посмотрим...

Мои братишки и сестры услышали про это и спросили:

– Айя, ты что, замуж выходишь? А что, ты его любишь, что ли? А когда свадьба будет? И так далее, и так далее, вопросы не заканчиваются.

Я им отвечаю:

– Да, замуж выхожу скоро.

– Музыка тоже будет?

– Конечно будет!

А вот музыки на моей свадьбе и не было...

Прошло достаточно много времени с тех пор, как я попросила родителей назначить дату. Сваты хотят приехать.

Сажусь рядом с ними и жду. Они переглядываются. Мама, как обычно, смотрит то на отца, то на свою свекровь. Их молчание длится довольно долго.

Пока они думают, я представляю себя в огромном зале суда, когда все с нетерпением ждут вынесения приговора. Виновен или невиновен? Можно или нельзя?

Я даже слышу, как они дышат, глубоко и медленно. Наконец-то вздохнули и определились с датой.

В условленный день приходят сваты, папа и дядя моего жениха. Я представляю себе это так, что мои родители сидят напротив гостей и мило беседуют.

Но меня, конечно, при этом не могло быть, это исходит от древних обычаев, что при сватовстве будущие женихи и невесты не сидят возле взрослых. Они где-то в другом месте, в ожидании результатов голосования. Просто было не положено. И хотя я, их дочь, сама выбрала себе жениха, я тоже не присутствовала при сватовстве.

И все же мне очень повезло. Я знаю многих девушек, у которых не было выбора. Они не хотели выходить замуж за незнакомцев, но в итоге быстро сдавались, не могли добиться своего и спорить с родными.

Такие случаи были не только раньше, они есть и сейчас. Когда я была на третьем курсе, одна из моих любимых однокурсниц выходила замуж за своего двоюродного брата. Однажды она заглянула к нам домой и мы прошли в мою комнату. Помню, как мы сидели с ней, и она начала мне рассказывать, как все это произошло. Я обнимала ее и чувствовала ее боль. Затем она вдруг замолчала и долго так сидела. Потом призналась мне, что перед смертью ее мама завещала ей сделать так и не спорить с родными. Это было очень жестоко! Но почему же она ничего не сказала своим родным?

Особенно больно мне вспоминать это теперь, когда я вижу мою подругу и знаю, что в ее жизни не было ни романтики, ни любви, ни взаимопонимания с мужем. Она давно махнула на себя рукой, и когда я встречаюсь с ней, то вижу только разочарование и пустоту в сердце.

А я бы не смогла быть такой, мама не учила нас, своих дочерей, как вести себя в доме мужа. Отношения моих родителей были для нас примером. Конечно же, мы уважали и придерживались обычаев и традиций, но в таких вопросах, как семья, мы были более свободными, чем многие наши родственницы.

Поэтому я ушла к своей подруге. По старинному обычаю сваты не могут увидеть свою будущую невестку до свадьбы. Да мне было бы и самой неловко вдруг появиться перед ними, пока не стала их невесткой. Бабушка все знает как положено: по ее словам, они сначала должны заплатить *калым* за невестку. Мы сидим с подругой и гадаем, какой же вердикт вынесут мои родители.

Прошла пара часов, захожу в дом. Вижу, что отец с матерью как-то неодобрительно смотрят на меня. Глядя на их лица, нетрудно было догадаться, что сейчас полетят в меня новые вопросы. Я сразу не сообразила, о чем они охают. Мама вся какая-то нервная, собирает посуду, бежит то на кухню, то с кухни и снова вступает в разговор. Молча стою и наблюдаю за ними. Отец, как всегда, держит в руках пиалу с чаем, медленно допивая его маленькими глотками. Бабуля, как неприступная скала-великанша, берет в руки свое вязание и крутит спицы

в руках, – похоже, она все еще была под впечатлением встречи с возможными будущими родственниками. Она не говорит, а только размышляет. Ее брови опущены, а лоб нахмурен.

– Что случилось? – прерываю я это странное молчание.

– Ты что, с ума сошла? Они даже не из нашего племени! – заговорила быстро мама.

– Из какого еще племени? – удивилась я. – Это все было в ваше время, сейчас уже по-другому.

– По какому еще другому? Они йомуды! А мы – теке! Мы не можем отдать тебя замуж за него.

– А какая разница? Он сказал, что любит меня, я тоже его люблю.

– В нашем роду пока никто не выходил замуж за йомудов. Прежде чем влюбляться и приглашать в дом сватов, надо было спросить, из какого он племени.

Глядя на них, я представила себе новую сценку, на этот раз из кинокомедии. Девушка шагает по улице и спрашивает каждого встречающегося ей на пути парня, из какого он рода? Когда же получает ответ, то делает какие-то пометки в своем блокноте. После того как набирается достаточное количество ответов, начинает вычеркивать те, что не подходят. Выходит, как в фильме: «Любит – не любит?». В моем случае будет: «Подходит – не подходит?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.